

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

芭
焦

ЯПОНСКИЕ ПРЕХСТИИЯ

ПЕРЕВОД
С ЯПОНСКОГО
ВЕРЫ
МАРКОВОЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА
1960

*Вступительная статья
и комментарии*

В. МАРКОВОЙ

Оформление художника

Н. КРЫЛОВА.

ПРЕДИСЛОВИЕ

1

Японское лирическое стихотворение хокку (хайку) отличается предельной краткостью и своеобразной поэтикой.

Народ любит и охотно создает короткие песни — сжатые поэтические формулы, где нет ни одного лишнего слова. Из народной поэзии эти песни переходят в литературную, продолжают развиваться в ней и дают начало новым поэтическим формам.

Так родились в Японии национальные стихотворные формы: пятистишие — танка и трехстишие — хокку.

Танка (буквально «короткая песня») была первоначально народной песней и уже в седьмом-восьмом веках, на заре японской истории,

становится любимой формой книжной поэзии. Хокку отделилось от танки много столетий спустя, в эпоху расцвета городской культуры «третьего сословия». Исторически оно является первой строфой танки и получило от нее богатое наследство поэтических образов.

Древняя танка и более молодое хокку имеют многовековую историю, в которой периоды расцвета чередовались с периодами упадка. Не один раз эти формы находились на грани исчезновения, но выдержали испытание временем и продолжают жить и развиваться еще и в наши дни. Такой пример долголетия не является единственным в своем роде. Греческая эпиграмма не исчезла даже после гибели эллинской культуры, а была принята на вооружение римскими поэтами и поныне сохранилась в мировой поэзии. Таджикско-персидский поэт Омар Хайям создал замечательные четверостишия (рубай) еще в одиннадцатом-двенадцатом веках, но и в нашу эпоху народные певцы в Таджикистане слагают рубай, вкладывая в них новые идеи и образы.

Очевидно, краткие стихотворные формы — насущная потребность поэзии. Такие стихи можно сочинить быстро, под влиянием непосредственного чувства. Можно афористически, сжато выразить в них свою мысль так, чтобы она запоминалась и переходила из уст в уста. Их легко использовать для похвалы или, наоборот, язвительной насмешки.

Обычно краткие стихи отлично уживаются с другими стихотворными формами большого масштаба, но в Японии они заняли совершенно исключительное положение. Очень скоро танка стала законодательницей литературной поэзии, оттеснив на задний план, а потом и совершенно вытеснив так называемые длинные стихи «нагаутá» (представленные в знаменитой поэтической антологии восьмого века Манъёсю). Эпические и лирические песни разнообразной длины сохранились только в фольклоре.

Интересно отметить попутно, что стремление к лаконизму, любовь к малым формам вообще присущи японскому национальному искусству, хотя оно великолепно умеет создавать и монументальные образы.

Потеснить танку и на время вырвать у нее первенство смогло только хокку, еще более короткое и лаконичное стихотворение, зародившееся в среде простых горожан, которым были чужды традиции старой поэзии. Именно хокку стало носителем нового идейного содержания и лучше всего сумело откликнуться на запросы растущего «третьего сословия».

Хокку — лирическое стихотворение о природе. Оно изображает жизнь природы и жизнь человека в их слитном, нерасторжимом единстве на фоне круговорота времен года. Времени года придается здесь большое значение, и оно всегда указывается при помощи сложной, тща-

тельно разработанной системы так называемых «сезонных слов».

Хокку обладает устойчивым метром. В каждом стихе определенное количество слогов: пять в первом, семь во втором и пять в третьем — всего семнадцать слогов. Это не исключает поэтической вольности, особенно у таких смелых поэтов-новаторов, каким был Мацуо Басё¹. Он иногда не считался с метром, стремясь достигнуть наибольшей поэтической выразительности.

Ударения в хокку роли не играют, так как японская поэзия является силлабической, ритмика ее основана на чередовании определенного количества слогов. Рифмы нет, но звуковая и ритмическая организация трехстишия — предмет большой заботы японских поэтов.

Размеры хокку так малы, что по сравнению с ним европейский сонет кажется монументальным. Оно вмещает в себе считанное количество слов, и тем не менее емкость его относительно велика. Искусство писать хокку — это прежде всего умение сказать многое в немногих словах.

Краткость роднит хокку с народными пословицами. Некоторые трехстишия получили хождение в народной речи на правах пословиц, как, например, стихотворение поэта Басё:

---

¹ *Мацуо* — фамилия поэта, *Басё* — его псевдоним.

Слово скажу —
Леденеют губы.
Осенний вихрь!

Как пословица оно означает, что «осторожность иногда заставляет промолчать».

Но чаще всего хокку резко отличается от пословицы по своим жанровым признакам. Это не назидательное изречение, короткая притча или меткая острота, а поэтическая картина, набросанная одним-двумя штрихами. Задача поэта — заразить читателя лирическим волнением, разбудить его воображение, и для этого не обязательно рисовать картину во всех ее деталях.

Чехов писал в одном из своих писем к брату Александру: «...у тебя получится лунная ночь, если ты напишешь, что на мельничной плотине яркой звездочкой мелькало стеклышко от разбитой бутылки и покатила шаром черная тень собаки или волка...»¹

Такой способ изображения требует от читателя максимальной активности, втягивает его в творческий процесс, дает толчок его мысли. Сборник хокку нельзя «пробегать глазами», листая страницу за страницей. Если читатель будет пассивным и недостаточно внимательным, он не воспримет импульса, посланного ему поэтом.

---

¹ Полное собрание сочинений и писем А. П. Чехова, ОГИЗ, Москва, 1947, т. 13, стр. 215.

Хокку миниатюрно по своим размерам, но это не умаляет того поэтического или философского смысла, который может придать ему поэт, не ограничивает масштаб его мысли. Однако дать многостороннее изображение и пространно, до конца развить свою мысль в пределах хокку поэт, конечно, не может. В каждом явлении он ищет лишь его кульминационный пункт.

Некоторые поэты, и в первую очередь Исса, поэзия которого наиболее полно отражала народное мировоззрение, любовно изображали малое, слабое, утверждая за ним, право на жизнь. Когда Исса заступает за светлячка, муху, лягушку, нетрудно понять, что тем самым он встает на защиту маленького обездоленного человека, которого мог стереть с лица земли его господин — феодал. Таким образом стихи поэта наполняются социальным звучанием.

Вот выплыла луна,
И каждый мелкий кустик
На праздник приглашен, —

говорит Исса, и мы узнаем в этих словах мечту о равенстве людей.

Отдавая предпочтение малому, хокку иногда рисовало и картину большого масштаба:

Бушует морской простор!
Далеко, до острова Сáдо,
Стелется Млечный Путь.

Это стихотворение Басё — своего рода смотровая щель. Прильнув к ней глазом, мы увидим большое пространство. Перед нами откроется Японское море в ветреную, но ясную осеннюю ночь: блеск звезд, белые буруны, а вдали, на краю неба, черный силуэт острова Садо.

Или возьмем другое стихотворение Басё:

На высокой насыпи — сосны,
А меж ними вишни сквозят, и дворец
В глубине цветущих деревьев...

В трех строчках — три плана перспективы.

Хокку сродни искусству живописи. Они нередко писались на сюжеты картин и в свою очередь вдохновляли художников; подчас они превращались в компонент картины в виде каллиграфически выполненной надписи на ней. Иногда поэты прибегали к способам изображения, родственным искусству живописи. Таково, например, трехстишие Бусона:

Цветы сурепки вокруг.
На западе гаснет солнце.
Луна на востоке встает.

Широкие поля покрыты желтыми цветами сурепки, они кажутся особенно яркими в лучах заката. С огненным шаром заходящего солнца контрастирует восходящая на востоке бледная луна. Поэт не рассказывает нам подробно, какой при этом создается эффект освещения, какие

краски на его палитре. Он только предлагает поповому взглянуть на ту картину, которую каждый видел, может быть, десятки раз... Группировка и выбор живописных деталей — вот в чем основная задача поэта. В колчане у него всего две-три стрелы: ни одна не должна пролететь мимо.

Эта лаконичная манера очень напоминает обобщенный способ изображения, которым пользовались мастера цветной гравюры укиё. Разные виды искусства — хокку и цветная гравюра — отмечены чертами общего стиля эпохи городской культуры в Японии семнадцатого-восемнадцатого веков, и это роднит их между собою.

Льет весенний дождь!
По пути беседуют
Зонтик и мино́.

Это трехстишие Бусона — жанровая сцена в духе гравюры укиё. Двое прохожих беседуют на улице под сеткой весеннего дождя. На одном соломенный плащ — мино, другой прикрывается большим бумажным зонтом. Вот и все! Но в стихотворении чувствуется дыхание весны, в нем есть тонкий юмор, близкий к гротеску.

Часто поэт создает не зрительные, а звуковые образы. Вой ветра, стрекот цикад, крики фазана, пенье соловья и жаворонка, голос кукушки, — каждый звук исполнен особого смысла, рождает определенные настроения и чувства.

В лесу звучит целый оркестр. Жаворонок ведет мелодию флейты, резкие крики фазана — ударный инструмент.

Жаворонок поет.
Звонким ударом в чаше
Вторит ему фазан.

(Басё)

Японский поэт не разворачивает перед читателем всей панорамы возможных представлений и ассоциаций, возникающих в связи с данным предметом или явлением. Он только будит мысль читателя, дает ей определенное направление.

На голой ветке
Ворон сидит одиноко.
Осенний вечер.

Если внимательный читатель отчетливо представит себе картину, созданную Басё, если он поймет чувство осенней тоски, охватившей поэта, и разделит с ним это чувство, то будет достигнута главная цель стихотворения: приобщить читателя к строю лирических переживаний поэта. Это чувство можно представить себе как след на воде, который долго виднеется позади лодки.

Можно толковать по-разному то, что хотел сказать Басё в своем стихотворении: набросал ли он немногими штрихами мрачную картину поздней осени и этим ограничился, или хотел

изобразить собственное душевное одиночество. Немудрено, что за века своего существования старинные хокку обросли слоями комментариев. Чем богаче подтекст, тем выше поэтическое мастерство хокку. Оно скорее подсказывает, чем показывает. Намек, подсказ, недоговоренность становятся дополнительными средствами поэтической выразительности. Тоскуя об умершем ребенке, поэт Исса сказал:

Наша жизнь — росинка.
Пусть лишь капелька росы
Наша жизнь — и все же...

Роса — обычная метафора бренности жизни, так же как вспышка молнии, пена на воде или быстро опадающие цветы вишни. Буддизм учит, что жизнь человека кратка и эфемерна, а потому не имеет особой ценности. Но отцу нелегко смириться с потерей любимого ребенка. Исса говорит «и все же...» и кладет кисть. Но само его молчание становится красноречивей слов.

Вполне понятно, что в хокку есть недоговоренность. Стихотворение состоит всего из трех стихов. Каждый стих очень короток в противоположность гекзаметру греческой эпиграммы. Пятисложное слово уже занимает целый стих: например, хототогису — кукушка, киригирису — сверчок. Чаще всего в стихе два значащих слова, не считая формальных элементов и восклицательных частиц. Все лишнее отжимается, от-

сеивается; не остается ничего, что служит только для украшения. Даже грамматика в хокку особая: грамматических форм немного и каждая несет на себе предельную нагрузку, иногда совмещающая несколько значений. Средства поэтической речи отбираются крайне скупно: хокку избегает эпитета или метафоры, если может без них обойтись.

Иногда все хокку целиком — развернутая метафора, но ее прямое значение обычно скрыто в подтексте.

Из сердцевины пиона
Медленно выползает пчела...
О, с какой неохотой!

Басё сложил это стихотворение, расставаясь с гостеприимным домом своего друга.

Было бы, однако, ошибкой в каждом хокку искать двойной смысл. Чаще всего хокку — конкретное изображение реального мира, не требующее и не допускающее никакого другого толкования.

Поэзия хокку была новаторским искусством. Если с течением времени танка, отдалившись от народных истоков, стала излюбленной формой аристократической поэзии, то хокку стало достоянием простого люда: купцов, ремесленников, крестьян, монахов, нищих... Оно принесло с собой простонародные выражения и жаргонные слова. Оно вводит в поэзию естественные, разговорные интонации.

Местом действия в хокку стали не сады и дворцы аристократической столицы, а бедные улицы города, рисовые поля, большие дороги, лавки, харчевни, постоянные дворы...

Канонические образы старых таинок уже не могли вызвать того непосредственного чувства изумления перед красотой живого мира, которое хотели выразить поэты «третьего сословия». Нужны были новые образы, новые краски. Поэты, так долго опиравшиеся только на одну литературную традицию, обращаются теперь к жизни, к реальному окружающему их миру. Старые парадные декорации убраны. Хокку учит искать скрытую красоту в простом, незаметном, повседневном. Прекрасны не только прославленные, много раз воспетые цветы вишен, но и скромные, незаметные на первый взгляд цветы сурепки, пастушьей сумки, стебелек дикой спаржи...

Внимательно взглядишь!
Цветы пастушьей сумки
Увидишь под плетнем.

(Басё)

Хокку учит ценить и скромную красоту простых людей. Вот жанровая картинка, созданная Басё:

Азалии в грубом горшке,
А рядом крошит сухую треску
Женщина в их тени.

Это, наверно, хозяйка или служанка где-нибудь в бедной харчевне. Обстановка самая убогая, но тем ярче, тем неожиданней выделяются красота цветка и красота женщины. В другом стихотворении Басё лицо рыбака на рассвете напоминает цветущий мак, и оба они одинаково хороши. Красота может поражать, как удар молнии:

Едва-едва я добрел,
Измученный, до почлега...
И вдруг — глициний цветы!
(Басё)

Красота может быть глубоко скрыта. В стихах хокку мы находим новое, социальное переосмысление этой истины — утверждение красоты в незаметном, обыденном, и, прежде всего, в простом человеке из народа. Именно таков смысл стихотворения поэта Кикаку:

Вишни в весеннем цвету
Не на далеких вершинах гор, —
Только в долинах у нас.

Верные жизненной правде, поэты не могли не видеть трагических контрастов в феодальной Японии. Они чувствовали разлад между красотой природы и условиями жизни простого человека. Об этом разладе говорит хокку Басё:

Рядом с цветущим выюнком
Отдыхает в страду молотильщик.
Как он печален, наш мир!

И как вздох вырывается у Исса:

Печальный мир!
Даже когда расцветают вишни...
Даже тогда...

В хокку нашли отзвук антифеодалные настроения горожан. Увидев самурая на празднике цветущей вишни, Кёрай говорит:

Как же это, друзья?
Человек глядит на вишни в цвету,
А на поясе длинный меч!

Народный поэт, крестьянин по происхождению, Исса спрашивает детей:

Красная луна!
Кто владеет ею, дети?
Дайте мне ответ!

И детям придется задуматься над тем, что луна на небе, конечно, ничья и в то же время общая, потому что красота ее принадлежит всем людям.

В книге избранных хокку — вся природа Японии, исконный уклад ее жизни, обычаи и верования, труд и праздники японского

парода в их самых характерных, живых подробностях.

Вот почему хокку любят, знают наизусть и сочиняют до сих пор.

2

Некоторые особенности хокку можно понять только познакомившись с его историей.

С течением времени танка (пятистишие) стала четко делиться на две строфы: трехстишие и двустишие. Случалось, что один поэт слагал первую строфу, второй — последующую. Позднее, в двенадцатом веке, появились стихицепи, состоящие из чередующихся трехстиший и двустиший. Эта форма получила название рэнга (буквально — «нанизанные строфы»); первое трехстишие называлось «начальной строфой», по-японски «хокку». Стихотворение рэнга не имело тематического единства, но его мотивы и образы чаще всего были связаны с описанием природы, причем с обязательным указанием на время года.

Рэнга достигла наивысшего расцвета в четырнадцатом веке. Для нее были разработаны точные границы времен года и четко определена сезонность того или иного явления природы. Появились даже стандартные «сезонные слова», которые условно обозначали всегда один и тот же сезон года, и в стихотворениях, описываю-

щих иное время года, уже не употреблялись. Довольно было, например, упомянуть слово «дымка», и каждый понимал, что речь идет о туманной поро ранней весны. Число таких «сезонных слов» достигало трех-четырёх тысяч. Так, слова: цветы сливы, соловей, паутинка, цветы вишен и персиков, жаворонок, бабочка, вскапывание поля мотыгой и другие указывали на то, что действие происходит весной. Лето обозначалось словами: ливень, кукушка, высадка рисовой рассады, цветущая павлония, пион, прополка риса, жара, прохлада, полуденный отдых, полог от mosкитов, светлячки и прочими. На осень указывали слова: луна, звезды, роса, крик цикад, уборка урожая, праздник Бон, красные листья клена, цветущий кустарник хаги, хризантемы. «Зимние слова» — это морозящий дождь, снег, иней, лед, холод, теплая одежда на вате, очаг, жаровня, конец года.

«Долгий день» означал весенний день, потому что он кажется особенно длинным после коротких зимних дней. Луна — осеннее слово, потому что осенью воздух особенно прозрачен, и луна сияет ярче, чем в другое время года.

Иногда время года для ясности все же называлось: «весенний ветер», «осенний ветер», «летняя луна», «зимнее солнце» и так далее.

Начальная строфа (хокку) часто бывала лучшей строфой в составе рэнги. Начали появляться отдельные сборники образцовых хокку. Эта фор-

ма стала новой популярной разновидностью литературной поэзии, унаследовав многие особенности рэнги: строгую приуроченность к определенному времени года и «сезонные слова». От шуточной рэнги¹ хокку заимствовало ее широкий словарь, каламбуры, простоту тона. Но долгое время оно не отличалось еще особой идейной глубиной и художественной выразительностью.

Выдающийся национальный поэт Японии Мацуо Басё родился в 1644 году. Именно он поднял хокку на непревзойденную художественную высоту. Стихи Басё и ныне, по прошествии трех веков, знает наизусть каждый культурный японец. О них создана огромная исследовательская литература, свидетельствующая о самом пристальном внимании народа к творчеству своего национального поэта.

Басё совершил переворот в поэзии хокку. Он вдохнул в нее жизненную правду, очистив от поверхностного комизма и шукачества «шуточной рэнги». «Сезонные слова», которые были в рэнге формальным, безжизненным приемом, стали у него поэтическими образами, полными глубокого значения.

---

¹ *Шуточная рэнга — популярная в среде горожан разновидность рэнги; в ней встречались приемы пародии, игра слов, просторечия.*

Лирика Басё раскрывает перед нами душевный мир поэта, его чувства и переживания, но в стихах его нет камерности и замкнутости. У лирического героя поэзии Басё есть конкретные приметы. Это поэт и философ, влюбленный в природу родной страны, и в то же время — бедняк из предместья большого города. И он отделен от своей эпохи и народа. В каждом маленьком хокку Басё чувствуется дыхание огромного мира. Это искры большого костра.

Для понимания поэзии Басё необходимо знакомство с его эпохой. Лучший период его творчества приходится на годы Гэнроку (конец семнадцатого столетия). Период Гэнроку считается «золотым веком» японской литературы. В это время Басё создавал свою поэзию, замечательный романист Ихара Сайкаку писал свои повести, а драматург Тикамацу Мондзаэмон — свои пьесы. Все эти писатели в той или иной мере были выразителями идей и чувств «третьего сословия». Творчество их реалистично, полномерно и отличается удивительной конкретностью. Они изображают жизнь своего времени в ее красочных подробностях, но никогда не опускаются до бытовщины.

Годы Гэнроку были в общем благоприятны для литературного творчества. К этому времени японский феодализм вступил в последнюю фазу своего развития. После кровавых междоусобиц, раздиравших Японию в средние века, наступило

относительное умиротворение. Династия Токугава (1603—1868) объединила страну и установила в ней строгий порядок. Отношения между сословиями были точнейшим образом регламентированы. На верхней ступени феодальной лестницы находилось воинское сословие: крупные феодалы — князья и мелкие феодалы — самураи. Торговцы официально были политически бесправны, но на самом деле представляли собой большую силу ввиду роста товарно-денежных отношений, и нередко князья, занимая у ростовщиков деньги, попадали к ним в зависимость. Богатые купцы соперничали в роскоши с феодалами.

Большие торговые города — Эдо (Токио), Осака, Киото стали центрами культуры. Высокого развития достигли ремесла. Изобретение печатания с деревянной доски (ксилография) удешевило книгу, в ней появилось множество иллюстраций, получил распространение и такой демократический вид искусства, как цветная гравюра. Книги и гравюры могли теперь покупать даже небогатые люди.

Политика правительства способствовала росту просвещения. Для молодых самураев было учреждено много школ, в которых, главным образом, изучались китайская философия, история, литература. Образованные выходцы из воинского сословия пополняли ряды городской интеллигенции. Многие из них поставили свои таланты на службу «третьему сословию». К литературе на-

чали приобщаться и «простые люди»: купцы, ремесленники, иногда даже крестьяне.

Это была внешняя сторона эпохи. Но была у нее и своя темная изнанка.

«Умиротворение» феодальной Японии было куплено дорогой ценой. В первой половине семнадцатого столетия Япония была «закрыта» для иностранцев, и культурные связи с внешним миром почти прекратились. Крестьянство буквально задыхалось в тисках беспощадного феодального гнета и нередко поднимало рогожные знамена в знак восстания, несмотря на жесточайшие карательные меры со стороны правительства. Была введена система полицейского надзора и сыска, стеснительная для всех сословий.

В «веселых кварталах» больших городов сыпалось дождем серебро и золото, а на проезжих дорогах разбойничали голодные люди; повсюду бродили толпы нищих. Многие родители были вынуждены бросать на произвол судьбы своих маленьких детей, которых они не могли прокормить.

Басё не раз был свидетелем подобных страшных картин. Поэтический арсенал того времени изобилует множеством условных литературных мотивов. Из китайской классической поэзии пришел мотив осенней грусти, навеянной криком обезьян в лесу. Басё обращается к поэтам, призывая их спуститься с заоблачных высот поэзии и взглянуть в глаза правде жизни:

Грустите вы, слушая крик обезьян.
А знаете ли, как плачет ребенок,
Покинутый на осеннем ветру?

Басё хорошо знал жизнь простых людей Японии. Сын мелкого самурая, учителя каллиграфии, он с детства стал товарищем игр княжеского сына — большого любителя поэзии. Басё сам начал писать стихи. После ранней смерти своего молодого господина он ушел в город и принял постриг, освободившись тем самым от службы своему феодалу. Однако Басё не стал настоящим монахом. Он жил в маленьком домике в бедном предместье Фукагава, близ города Эдо. Хижина эта со всем окружающим ее скромным пейзажем — банановыми деревьями и маленьким прудом во дворе — описана в его стихах. У Басё была возлюбленная. Ее памяти он посвятил лаконичную элегию:

О, не думай, что ты из тех,
Кто следа не оставил в мире!
Помниновения день...

Басё шел трудным путем творческих исканий. Его ранние стихи написаны еще в традиционной манере. В поисках нового творческого метода Басё внимательно изучает творчество китайских классических поэтов Ли Бо и Ду Фу, обращается к философии китайского мыслителя Чжуан-цзы и к учению буддийской секты Дзэн,

стремясь придать своей поэзии философскую глубину.

К нему стали стекаться многочисленные ученики всех званий, даже профессиональные нищие. Басё передавал им свое учение о поэзии. Из его школы вышли такие замечательные поэты, как Бонтё, Кёрай, Кикаку, Дзёсо, усвоившие новый поэтический стиль (стиль Басё).

В 1682 году хижина Басё стореда во время большого пожара. С этого времени он начал свои многолетние странствия по стране, мысль о которых зародилась у него уже давно. Следуя поэтической традиции Китая и Японии, Басё посещает места, прославленные своей красотой, знакомится с жизнью японского народа. Басё оставил несколько лирических путевых дневников¹. Во время одного из своих путешествий Басё умер. Перед своей кончиной он создал «Предсмертную песню»:

В пути я заболел,
И все бежит, кружит мой сон
По выжженным лугам.

---

¹ Один из них, наиболее известный, существует в русском переводе: Басё, *По тропинкам Севера* (лирический дневник XVII века). Перевод с японского, вступительная статья и примечания Н. И. Фельдман. «Восток», сборник первый, «Литература Китая и Японии», Acadetia, 1935, стр. 301—342.

Поэзия Басё отличается возвышенным строем чувств и в то же время удивительной простотой и жизненной правдой. Для него не было низменных вещей. Бедность, тяжелый труд, быт Японии с ее базарами, харчевнями на дорогах и нищими — все это отразилось в его стихах. Но мир для него остается прекрасным. В любом нищем, может быть, таится мудрец. Поэт смотрит на мир влюбленными глазами, но красота мира предстает перед его взглядом подернутой печалью.

Поэзия была для Басё не игрой, не забавой, не средством пропитания, как для многих современных ему поэтов, но высоким призванием всей его жизни. Он говорил, что поэзия возвышает и облагораживает человека.

Среди учеников Басё были самые разные поэтические индивидуальности.

Кикаку, эдоский горожанин, беспечный гуляка, воспевал улицы и богатые торговые лавки своего родного города:

С треском шелка разрывают
В лавке Этигойя...
Летнее время настало!

К школе Басё принадлежали поэты Бонтё, Дзёсо, обладавшие каждый своим особым творческим почерком, и многие другие. Кёрай из Нагасаки составил вместе с Бонтё знаменитую антологию хокку «Соломенный плащ обезьяны» («Сару-мино»).

В начале восемнадцатого века форма трехстишия пришла в упадок. Новую жизнь в хокку вдохнул Ёса Бусон, замечательный поэт и художник-пейзажист. При жизни поэт был почти неизвестен, стихи его стали популярными лишь в девятнадцатом веке.

Поэзия Бусона романтична. Часто в трех строках стихотворения он умел рассказать целую новеллу. Так, в стихах «Смена одежды с наступлением лета» он пишет:

Скрылись от господского меча...
О, как рады юные супруги
Легким платьем зимнее сменить!

Согласно феодальным порядкам, господин мог покарать своих слуг смертью за «греховную любовь». Но влюбленным удалось бежать. Сезонные слова «смена теплой одежды» хорошо передают радостное чувство освобождения на пороге новой жизни.

В стихах Бусона оживает мир сказок и легенд:

Юным вельможей
Оборотилась лилица...
Весенний ветер.

Туманный вечер весной. Тускло светит луна сквозь дымку, цветут вишни, и в полумгле среди людей появляются сказочные существа. Бусон рисует только контуры картины, но перед чита-

телем встает романтический образ красавца юноши в старинном придворном наряде.

Нередко Бусон воскрешал в поэзии образы старины:

Зал для заморских гостей
Тушью благоухает...
Белые сливы в цвету.

Это хокку уводит нас в глубь истории, в восьмой век. Для приема «заморских гостей» тогда строились особые здания. Можно вообразить поэтический турнир в прекрасном старинном навильоне. Приехавшие из Китая гости ищут благоухающей тушью китайские стихи, а японские поэты соревнуются с ними на своем родном языке. Перед глазами читателя как будто разворачивается свиток с древней картиной.

Бусон — поэт широкого диапазона. Он охотно рисует необычное: кита в морской дали, замок на горе, разбойника на повороте большой дороги, но он также умеет тепло нарисовать картинку детского интимного мирка. Вот трехстишие «На празднике кукол»:

Коротконосая кукла...
Верно, в детстве мама ее
Мало за нос тянула!

Но помимо «литературных стихов», богатых реминисценциями, намеками на старинцу, романтическими образами, Бусон умел самыми про-

стыми средствами создавать стихи изумительной лирической силы:

Они прошли, дни весны,
Когда звучали далекие
Соловьиные голоса.

Кобаяси Исса, наиболее народный и демократичный из всех поэтов феодальной Японии, создавал свои стихи в конце восемнадцатого — начале девятнадцатого веков, на заре нового времени. Исса был выходцем из деревни. Большую часть своей жизни он провел среди городской бедноты, но сохранил любовь к родным местам и крестьянскому труду, от которого он был оторван.

Всем сердцем я чту,
Отдыхая в полдневный жар,
Людей на полях.

В таких словах выразил Исса и свое благоговейное отношение к работе крестьянина, и стыд за свое вынужденное безделье.

Биография Исса трагична. Всю жизнь он боролся с нищетой. Его любимый ребенок умер. Он рассказал о своей судьбе в стихах, полных щемящей душевной боли, но в них пробивается также струя народного юмора. Исса был человеком большого сердца: его поэзия говорит о любви к людям, и не только к людям, но и ко всем маленьким существам, беспомощным и оби-

женным. Наблюдая потешный бой между лягушками, он восклицает:

Эй, не уступай,
Тошяя лягушка!
Исса за тебя.

Но по временам поэт умел быть резким и беспощадным: ему претила всякая несправедливость, и он создавал едкие, колючие эпиграммы.

Исса был последним крупным поэтом феодальной Японии. Хокку потеряли свое значение на многие десятилетия. Возрождение этой формы в конце девятнадцатого века относится уже к истории поэзии нового времени. Поэт Масаока Сики (1867—1902), написавший много интересных работ по истории и теории хокку, и его талантливые ученики Такахама Кёси и Кавахигаси Хэкигодо возродили искусство хокку на новой, реалистической основе, что способствовало в дальнейшем становлению реалистического романа в Японии.

В наши дни популярность хокку еще более возросла. Одно время после второй мировой войны в литературе вспыхнул спор по поводу танки и хокку. Некоторые критики считали их второстепенными, отжившими, уже не нужными для народа формами старого искусства. Жизнь доказала несправедливость этих утверждений.

Возросшая литературная активность масс после войны сказалась и в том, что все большее число простых людей сочиняет стихи, пользуясь этими формами. Выходят сборники таких стихов на самые острые, современные темы. Издается несколько журналов, посвященных хокку, и, кроме того, последние постоянно печатаются на страницах газет. Большую работу по отбору и публикации стихов безвестных поэтов из народа проводит демократический поэт Курибаяси Исэкиро. Такие стихи — живые отклики на события дня. В них звучит голос японского народа. Например, в газете «Акахата» от 13 ноября 1959 года помещено хокку одного из жителей Токио — Хаттори Кэйскэ:

Отбушевал ураган.
Сборщик налогов тихо
На смену ему пришел.

В состав настоящего сборника вошли только хокку позднего средневековья: от Басё до Исса.

Перед переводчиком стояли большие трудности. Старинные хокку не всегда понятны без комментариев даже японскому читателю, хорошо знакомому с природой и бытом своей родной страны. Краткость и недоговоренность лежат в самой основе поэтики хокку.

Переводчик стремился сохранить лаконизм хокку и в то же время сделать их понятными. Надо, однако, помнить, что японское трехстишие обязательно требует от читателя работы воображения, участия в творческом труде поэта. В этом главная особенность хокку. Все растолковать до конца — значит не только погрешить против японской поэзии, но и лишить читателя большой радости самому вырастить цветы из горсти семян, щедро рассыпанных японскими поэтами.

В. Маркова

Т
Р
Е
Х
С
Т
И
Ш
И
Я

МАЦУО БАСЕ

(1644—1694)

* * *

Праздник Нового года!
Но печален я, вспоминая
Долгий вечер осенний.

* * *

Всюду поют соловьи.
Там — за бамбуковой рощей,
Тут — перед ивой речной,

* * *

Весеннее утро.
Над каждым холмом безымянным
Прозрачная дымка.

* * *

Проталина в снегу,
А в ней — светло-лиловый
Спаржи стебелек.

* * *

На утренней бледной заре
Мальки — не длиннее вершка —
Белеют на берегу.

* * *

Год за годом все то же:
Обезьяна толпу потешает
В маске обезьяны.

* * *

Праздник цветущей весны.
Индий, прикрытый рогожей...
Кто он? Быть может, мудрец?

* * *

Весна обновила весь мир.
От старого мало осталось:
Всего пять мерок зерна...

УЕЗЖАЮЩЕМУ ДРУГУ

Друг, не забудь
Скрытый незримо в чаше
Сливовый цвет!

* * *

Горная тропа.
Солнце разом выплыло
В аромате слив.

* * *

Стебли морской капусты.
Песок закрипел на зубах...
И вспомнил я, что старею.

* * *

Чуть дрожат паутинки.
Тонкие пяти травы сайкó
Зыблются в полумраке.

* * *

С неба своих вершин
Одни лишь речные ивы
Еще проливают дождь.

* * *

Ива склонилась и спит.
И кажется мне, соловей на ветке —
Это ее душа.

* * *

Весенний ветер.
Отозвалась на чьи-то голоса
Гора Мика́са.

* * *

Роня лепестки,
Вдруг пролил горсточку воды
Камелин цветок.

* * *

Собрали латук для еды,
И снова, гонимы нуждою.
Крестьянки садятся ткать.

* * *

С ветки на ветку
Тихо сбегают капли...
Дождик весенний.

* * *

Под раскрытым зонтом
Пробираюсь сквозь ветви.
Ивы в первом пуху.

* * *

Все волнения, всю печаль
Твоего смятенного сердца
Гибкой иве отдай!

* * *

Ручеек чуть заметный,
Проплывают сквозь чащу бамбука
Лепестки камелий.

* * *

Весенние льют дожди.
Как тянется вверх чернобыльник
На этой заглохшей тропе!

* * *

Среди морской травы
Кишат мальки... А в руку взять --
Растают без следа.

* * *

Зеленая ива роняет
В мутную тину концы ветвей.
Час вечерний отлива.

* * *

О, весенний дождь!
С кровли ручейки бегут
Вдоль осиных гнезд.

* * *

Откуда вдруг такая лень?
Едва меня сегодня добудились...
Шумит весенний дождь.

* * *

Смутно клубятся во тьме
Лиственниц ветви, туманней
Вишен в полном цвету.

* * *

Минула весенняя ночь.
Белый рассвет забрезжил
Сквозь ветки вишен в цвету.

* * *

Влюбленные коты
Умолкли. Смотрит в спальню
Туманная луна.

* * *

Облака вишневых цветов!
Где-то колокол прогудел... В Уэно,
Или в Асакуса?

* * *

С четырех сторон
Вишней лепестки летят
В озеро Нио.

ПАЛОМНИЧЕСТВО К ХРАМАМ ИСЭ

Где, на каком они дереве,
Эти цветы, — не знаю,
Но ароматом повеяло...

ПОСЕЩАЮ ОТШЕЛЬНИКА

Стоит величаво,
Не замечая вишневых цветов,
Дуб одинокий.

* * *

На высокой насыпи — сосны,
А меж ними вишни сквозят, и дворец
В глубине цветущих деревьев...

* * *

«Нет покоя от детей!»
Для таких людей, наверно,
И вишневый цвет не мил.

ВСТРЕТИВШИСЬ С ДРУГОМ
ПОСЛЕ МНОГОЛЕТНЕЙ РАЗЛУКИ

Два наших долгих века...
А между нами — живые
Вишен цветущих ветви.

* * *

Даже заезжий голландец
С высоты своего седла
Глядит на цветущие вишни.

* * *

В путь! Покажу я тебе,
Как в далёком Есино вишни цветут,
Старая шляпа моя!

* * *

Старый пруд.
Прыгнула в воду лягушка.
Всплеск в тишине.

* * *

Возле старого храма
Под цветущими персиками работник
Мельницу вертит ногою.

* * *

По горной тропинке иду
Чем-то радует сердце
Фиалка в густой траве.

* * *

Парящих жаворонков выше,
Я отдыхаю по пути
На самом гребне перевала.

* * *

Азалии в грубом горшке,
А рядом крошит сухую треску
Женщина в их тени.

* * *

Такой у воробышка вид.
Будто и он любит
Поле сурепки в цвету.

* * *

Широкий простор полей.
Нигде приметы для взора.
Жаворонки поют.

* * *

Пригорок у самой дороги.
На смену погасшей радуге
Азалии в свете заката.

* * *

Только дохнет ветерок,
С ветки на ветку ивы
Бабочка перепорхнет.

* * *

О проснись, проснись!
Стань товарищем моим,
Спящий мотылек!

* * *

Жаворонок поет.
Звонким ударом в чаше
Вторит ему фазан.

* * *

Весь долгий день напролет
Поет — и не напоеется
Жаворонок весной.

* * *

Бабочек полет
Будит тихую поляну
В солнечном свете.

* * *

Через изгородь
Сколько раз перепорхнули
Крылья бабочки!

НА КЛАДБИЩЕ

Вновь оживает в сердце
Тоска о матери, об отце.
Крик одинокий фазана!

* * *

Едва-едва я добрел,
Измученный, до почлега...
И вдруг — глициний цветы!

* * *

Звонко долбит
Столб одинокой хижины
Дятел лесной.

* * *

Воробышки над окном
Пищат, а им отзываются
Мыши на чердаке.

* * *

Не сомневайся!
Есть у моря своя весна:
Цветы прибой.

* * *

С шелестом облетели
Золотых шаров лепестки.
Дальний шум водопада...

* * *

Ушедшую весну
В далекой гавани Вака
Я наконец нагнал.

* * *

Весна уходит.
Плачут птицы. Глаза у рыб
Полны слезами.

* * *

Даже вечерний звон
Мне, одинокому, здесь не слышен.
Сумерки поздней весной.

* * *

В день рождения Будды
Он родился на свет,
Маленький олененок.

ПРОЩАЯСЬ С ДРУЗЬЯМИ

Шатнусь. Ища опоры,
Схвачусь за колосок.
Разлука наступает.

* * *

О, священный восторг!
На зеленую, на молодую листву
Льется солнечный свет.

* * *

Усну в опьяненье
На этом камне, поросшем
Алой гвоздикой...

* * *

Там, куда улетает
Крик предрассветный кукушки
Что там? — Далекий остров.

* * *

Кукушка вдаль летит,
А голос долго стелется
За нею по воде.

ПОСАДКА РИСА

Не успел я отнять руки,
Как уже ветерок вечерний
Поселился в зеленом ростке.

* * *

Дождь набегает за дождем,
И сердце больше не тревожат
Ростки на рисовых полях.

ПОКИДАЯ ДОМ ДРУГА

Из сердцевины пиона
Медленно выползает пчела...
О, с какой неохотой!

ВОЗЛЕ РЫБАЧЬЕЙ ДЕРЕВУШКИ

Увидел я раньше всего
В лучах рассвета лицо рыбака,
А после — цветущий мак.

* * *

Голос пролетной кукушки,
Отдыхая в тени листвы,
Слушают сборщики чая.

* * *

Что ни день, что ни день,
Все желтее колосья.
Жаворонки поют.

* * *

Падает с листком...
Нет, смотри! На полдороге
Светлячок вспорхнул.

* * *

Москиты в долине Кисб,
У этого грустного путника
Учитесь себя смирять!

* * *

Взглянешь при свете дня —
Еле полоски алеют
На спинке у светлячка.

* * *

Откуда кукушки крик?
Сквозь чащу густого бамбука
Сочится лунная почь.

* * *

Погонщик! Веди коня
Вон туда, через поле!
Там кукушка поет.

* * *

Холодный горный источник.
Горсть воды не успел зачерпнуть,
Как зубы уже заломило.

* * *

Майский дождь бесконечный.
Мальвы куда-то тянутся,
Ищут дорогу солнца.

* * *

Какая быстрина!
Река Могáми собрала
Все майские дожди.

* * *

Нынче выпал ясный день.
Но откуда брызжут капли?
В небе облака клочок.

* * *

С темного неба гони,
О река могучая Ои,
Майские облака!

* * *

Как разлилась река!
Цапля бредет на коротких ножках —
По колено в воде.

* * *

В мареве майских дождей
Только один не тонет
Мост над рекой Сэтá.

* * *

Как волосами оброс,
Как худ я, как иссиня-бледен!
Майский дождь без конца...

* * *

В ладоши звонко хлопнул я.
А там, где эхо прозвучало,
Бледнеет летняя луна.

* * *

Тишина кругом.
Проникает в сердце скал
Легкий звон цикад.

* * *

Топ-топ — лошадка моя.
Словно я на картине —
В просторе летних лугов.

* * *

Вот он — мой знак путеводный!
Посреди высоких трав луговых
Человек с оханкою сена.

НА СТАРОМ ПОЛЕ БИТВЫ

Летние травы
Там, где исчезли герои,
Как сповиденье.

* * *

Как летом густеют леса!
И только у однолиста
Один-единственный лист.

* * *

В ловушке осьминог.
Он видит сон — такой короткий! —
Под летнею луной.

* * *

Рядом с цветущим вьюнком
Отдыхает в страду молотильщик.
Как он печален, наш мир!

* * *

Чистый родник!
Вверх побежал по моей ноге
Маленький краб.

* * *

Что это? Иглы сорвал
В соснах играющий ветер?
Плеск прохладной воды.

* * *

Цветок повилики...
Но даже и он
Больше не друг мне!

* * *

Печального меня
Сильнее грустью напои,
Кукушки дальний зов!

ОТВЕТ УЧЕНИКУ

Вот мой обычай простой:
Только выюнок расцветает,
Ем свой утренний рис.

* * *

Какою свежестью веет
От этой дыни в каплях росы,
С налипшей влажной землею!

* * *

Сад и гора вдали
Дрогнули, движутся, входят
В летний раскрытый дом.

* * *

Образ самой прохлады
Кистью рисует бамбук
В рощах селенья Сága.

* * *

На озере рябь волны.
Одни о жаре сожалеют
Закатные облака.

* * *

Плотно закрыла рот
Раковина морская.
Невыносимый зной!

* * *

Еще на острие конька
Над кровлей солнце догорает,
Вечерний вест холодок.

* * *

В старом моем домишке
Москиты почти не кусаются.
Вот все угощенье для друга!

* * *

Там, где рождается поток,
Низко склонилась ива:
Ищет лёдник в земле.

* * *

Жар солнечного дня
Река Могáми унесла
В морскую глубину.

* * *

Оснь уже педалёко.
Поле в колосьях и море —
Одного зеленого цвета.

* * *

Что за славный холодок!
Пятками уперся в стену
И дремлю в разгаре дня.

* * *

На самом виду, у дороги,
Цветы мокугѣ расцвели.
И что же? — Мой конь общипал их.

* * *

Молния вдали.
Пронизал почную мглу
Выпи резкий крик.

* * *

Бушует морской простор!
Далёко, до острова Садо,
Стелется Млечный Путь.

* * *

Как благороден тот,
Кто не скажет при блеске молнии:
«Вот она — наша жизнь!»

* * *

К утренним вьюнкам
Летит с печальным звоном
Слабеющий комар.

* * *

Чем же там люди кормятся?
Домик прижался к земле
Под осенними ивами.

* * *

Как пахнет зреющий рис!
Я шел через поле, и вдруг —
Направо залив Арисó.

* * *

Белых капель росы
Не проливая, колышется
Хáги осенний куст.

* * *

Блестят росинки...
Но есть у них привкус печали,
Не позабудьте!

* * *

Молния в тьме ночной.
Озера гладь водяная
Искрами вспыхнула вдруг.

* * *

Волна на миг отбежала.
Среди маленьких раковин розовеют
Лепестки опавшие хаги.

В ГОСТИНИЦЕ

Со мной под одною кровлей
Две девушки... Ветки хаги в цвету
И одинокий месяц.

* * *

Без конца моросит.
Лишь мальвы сияют, как будто
Над ними ясный денек.

ПАМЯТИ ТОДЗЮНА

Погостила и ушла
Светлая луна... Остался
Стол о четырех углах.

* * *

Праздник поминовения душ!
Но и сегодня на старом кладбище
Поднимается новый дымок.

* * *

Праздник Бон миновал.
Вечерá все темнее...
Голоса цикад.

* * *

При свете новой луны
Земля в полумраке тонет.
Белой гречихи поля.

* * *

Ночная тишина.
Лишь за картиной на стене
Звенит-звенит сверчок.

ДРУГУ РАНСЭЦУ

Посети меня
В одиночестве моем!
Первый лист упал...

* * *

Все кружится стрекоза...
Никак зацепиться не может
За стебли гибкой травы.

* * *

Где-то крикнул бекас.
На одной стороне дороги
Колосья еще стоят.

* * *

Важно ступает
Цапля по свежему жниву.
Осень в деревне!

* * *

Какая грусть!
В маленькой клетке подвешен
Пленный сверчок.

* * *

Весь широкий двор возле храма
Занавесили листьями своими
Банановые деревья.

* * *

Сыплются ягоды с веток...
Шумно вспорхнула стая скворцов.
Утренний ветер.

* * *

Пугают, гонят их с полей,
Но воробьям не трудно скрыться:
Ведь рядом чайные кусты.

* * *

Я заснул на коне.
Сквозь дремоту вижу далекий месяц.
Где-то ранний дымок.

* * *

Как быстро летит луна!
На неподвижных ветках
Повисли капли дождя.

* * *

Даже дикого кабана,
Кружа, уносит с собою
С налета осенний вихрь!

* * *

Безлунная ночь. Темнота.
С криптомерией тысячелетней
Схватился в обнимку вихрь.

* * *

Кричат перепела.
Должно быть, вечереет.
Глаз ястреба померк.

* * *

Как стонет от ветра банан,
Как падают капли в кадку,
Я слышу всю ночь напролет.

* * *

С утра налетел ураган.
Один алеет, как прежде,
Красного перца стручок.

* * *

Белый волос упал.
За моим изголовьем
Не смолкает сверчок.

* * *

Больной опустился гусь
На поле холодной ночью.
Сон одинокий в пути.

* * *

Вместе с хозяином дома
Слушаю молча вечерний звон.
Падают листья ивы.

* * *

Позади дощатой ограды
Кричат пронзительно перепела
В облетевшей роще павлоний.

* * *

Хижина рыбака.
Замешался в груды креветок
Одинокий сверчок.

* * *

Сперва отыскал мой взгляд
Случайную тучку, а после
Пролетную стаю птиц.

ШЛЕМ САНЭМОРИ

О, беспощадный рок!
Под этим славным шлемом
Теперь сверчок звенит.

* * *

Легкий речной ветерок.
Чай хорош! И вино хорошо!
И лунная ночь хороша!

* * *

Бросил на миг
Обмолачивать рис крестьянин,
Глядит на луну.

* * *

Вялые листья батата
На высохшем поле... Восхода луны
Ждут не дождутся крестьяне.

* * *

Любованье луной!
Хорошо, что порой облака
Краткий роздых дают.

В ПОЛНОЛУНИЕ

**Шестнадцатая ночь.
Успеем ли сварить креветок?
Так мало длится тьма.**

* * *

**Откройте дверь!
Лунный свет впусите
В храм Укимидо!**

* * *

**Как легко-легко
Проплывают по небу
Тучки и луна.**

* * *

В лунном сиянье
Двигается к самым воротам
Гребень прилива.

* * *

В темноте я лег.
Нет для лампы масла...
Вдруг — луна в окне!

* * *

Первый осенний дождь.
И обезьяна в лесу хотела б
Надеть соломенный плащ.

* * *

Луна над горой.
Туман у подножья.
Чернеют поля.

* * *

Лунным светом обманут,
Я подумал: вишневый цвет!
Нет, хлопчатника поле.

ХОЖУ КРУГОМ ПРУДА

Праздник осенней луны.
Кругом пруда, и опять кругом.
Всю ночь напролет кругом!

* * *

Где ты, луна, теперь?
Как затонувший колокол,
Скрылась на дне морском.

ПОЭТАМ

Грустите вы, слушая крик обезьян.
А знаете ли, как плачет ребенок,
Покинутый на осеннем ветру?

* * *

Странник! — Это слово
Станет именем моим.
Первый дождь осенний...

* * *

Совсем легла на землю,
Но неизбежно зацветет
Больная хризантема.

ПОКИДАЮ ЭДО

Я встретил осень здесь в десятый раз.
Прощай, Эдó! Иду в обратный путь,
Но родиной я буду звать тебя.

* * *

Жизнь свою обвил
Вкруг висячего моста
Этот дикий плющ.

* * *

О глядите, глядите,
Как темно на Звездном мысу!
Чайки стонут над морем.

* * *

Прозрачна осенняя ночь.
Далёко, до Семизвездия,
Разносится стук вальков.

* * *

И кто бы мог сказать,
Что жить им так недолго?
Немолчный звон цикад.

В ДОМЕ ПОЭТЕССЫ СОНО-ДЗЁ

Нет! Не увидишь здесь
Ни единой пылинки
На белизне хризантем.

* * *

Белый грибок в лесу.
Какой-то лист незнакомый
К шляпке его прилип.

* * *

Как хризантемы расцвели
У каменщика во дворе
Среди разбросанных камней!

* * *

Старая деревушка.
Ветки усеяны красной хурмой
Возле каждого дома.

* * *

Бабочкой никогда
Не станет этот червяк, а дрожит
На осеннем ветру.

* * *

Аромат хризантем...
В капищах древней Нары
Темные статуи Будд.

В МОНАСТЫРЕ

Пьет свой утренний чай
Пастырь в спокойствии важном.
Хризантемы в саду.

* * *

Туман и осенний дождь.
Но пусть невидима Фудзи,
Как радуется сердце опа!

ОТПРАВЛЯЮСЬ В ДАЛЬНИЙ ПУТЬ

Может быть, кости мои
Выбелит ветер... Он в сердце
Холодом мне дохнул.

НА МЕСТЕ ДРЕВНЕЙ ЗАСТАВЫ

Мертвы на осеннем ветру
Поля и роши. Исчезла
И ты, застава Фувá!

* * *

О, этот долгий путь!
Сгущается сумрак осенний
И — ни души кругом.

* * *

Красное-красное солнце
В пустынной дали... Но леденит
Безжалостный ветер осенний!

* * *

Отчего я так сильно
Этой осенью старость почувал?
Облака и птицы.

* * *

Снова встают с земли,
Тускнея во мгле, хризантемы,
Прибитые сильным дождем.

* * *

Варят на ужин лапшу.
Как пылает под котелком огонь
В эту холодную ночь!

* * *

Одна зеленеет,
Осеннему ветру наперекор,
Каштана скорлупка.

* * *

Осенние поля.
Шум ветра пробегает
Среди сухой травы.

* * *

Верно, эта цикада
Пеньем вся изошла? —
Одна скорлупка осталась.

* * *

На голой ветке
Ворон сидит одиноко.
Осенний вечер.

ПОРТРЕТУ

Повернись ко мне!
Я тоскую тоже
Осенью глухой.

* * *

Белее белых скал
На склонах Каменной горы
Осенний этот вихрь!

* * *

Осени поздней пора.
Я в одиночестве думаю:
«А как живет мой сосед?»

ПЕРЕД МОГИЛЬНЫМ ХОЛМОМ

Содрогнись, о холм!
Осенний ветер в поле —
Мой одинокий стон.

* * *

Конец осенним дням.
Уже раскрыла руки
Каштана скорлупа.

* * *

Я в руки возьму, о мать,
Слезами горячими растоплю
Белый иней твоих волос.

* * *

Слово скажу —
Леденеют губы.
Осенний вихрь!

* * *

Уж осени конец!
Но веселит еще глаза
Зеленый мандарин.

* * *

Только стали сушить
Солому нового сбора... Как рано
В этом году дожди!

* * *

Примостился мальчик
На седле, а лошадь ждет.
Рвут на поле редьку.

* * *

Иду под холодным дождем.
Где-то тоже мокнет собака:
Слышится лай в темноте.

* * *

Порывистый листвою
Спрятался в чашу бамбука
И понемногу утих.

* * *

До чего же долго
Льется дождь! На голом поле
Жниво почернело.

* * *

Опала листва.
Весь мир одноцветен.
Лишь ветер гудит.

* * *

Петух закричал во дворе.
На крышу коровьего хлева
Хлынул потоком дождь.

НА ЗВАНОМ ОБЕДЕ

Вот жареный сельдерей
С дальних полей у предгорья,
Подернутых первым ледком!

* * *

Зимние дни в одиночестве.
Снова спиной прислонюсь
К столбу посредине хижины.

* * *

Давно обветшала сосна
На золоченых ширмах.
Зима в четырех стенах.

ГОСТЕПРИИМНОМУ ХОЗЯИНУ

Друг на друга нарцисс
И белая ширма бросают
Отблески белизны.

* * *

Тучи дождем пролились
Только над гребнем предгорья.
Фудзи белеет в снегу.

* * *

Рисовой шелухою
Все осыпано: ступки края,
Белые хризантемы...

* * *

Ростки озимых взошли,
Славный приют для отшельника —
Деревня среди полей!

* * *

Первый снег в саду.
Он едва-едва нарцисса
Листики пригнул.

* * *

По камням горы
Скачет, сыплется со звоном
Снежная крупа.

* * *

А ну, скорее, друзья!
Пойдем по первому снегу бродить,
Пока не свалимся с ног.

* * *

Уродливый ворон —
И он прекрасен на первом снегу
В зимнее утро!

* * *

Сжатое поле.
Сразу узнаешь гречихи
Красные стебли.

В ГОСТИНИЦЕ

Переносный очаг.
Так, сердце странствий, и для тебя
Нет покоя нигде.

* * *

Солнце зимнего дня!
Тень моя леденеет
У коня на спине.

* * *

Берег Иракодзáки.
Здесь, в пустынной дали,
Коршуна рад я увидеть.

* * *

Срезан для крыши камыш.
На позабытые стебли
Сыплется мелкий снежок.

* * *

Еще живыми
Смерзлись в один комок
За ночь трепанги.

* * *

С треском лопнул кувшин:
Ночью вода в нем замерзла.
Я пробудился вдруг.

* * *

Возле очага,
Всеми позабытый,
Плачется сверчок.

* * *

Сумрак над морем.
Лишь крики диких уток вдали
Смутно белеют.

* * *

Сокол рванулся ввысь,
Но крепко охотник держит его...
Падает град ледяной.

* * *

Вновь зеленеют ростки
На сжатом поле, а сверху —
Иней, точно цветы.

* * *

Дети, кто скорей?
Мы догоним шарики
Ледяной крупы.

* * *

Готовят зимний очаг.
Как постарел знакомый печник!
Побелели пряди волос.

* * *

Радостно глядеть:
Скоро станет снегом
Этот зимний дождь!

* * *

Зимняя ночь в саду.
Ниткой тонкой — и месяц в небе,
И цикады чуть слышный звон.

* * *

Вода так холодна!
Уснуть не может чайка,
Качаясь на волне.

* * *

Ночь. Беззвездная тьма.
Верно, гнездо свое потерял —
Стонет где-то кулик.

ВЕРНУВШИСЬ В ЭДО
ЧЕРЕЗ МНОГО ЛЕТ

По крайней мере вы одни
Еще под снегом уцелели,
Сухие стебли камыша.

ДРУГУ

Тот снег, что, помнишь, с тобой
Мы видели в прошлом году,
Неужели он снова идёт?

* * *

Холод пробрал в пути.
У птичьего пугала, что ли,
В долг попросить рукава?

* * *

Друг, зажги огонь!
Погляди, как он красив,
Этот снежный шар!

СНЕЖНЫМ УТРОМ

Сколько выпало снега!
А ведь где-то люди идут
Через горы Хакóнэ!

* * *

Ярче озерных вод,
Белым светом сияет
Снег на горе Хира́.

* * *

Пеплом угли подернулись.
На стене колышется тень
Моего собеседника.

* * *

Быстро нырнула чомга
В воду зимнего озера,
Только в глазах мелькнула.

* * *

Все засыпал снег.
Одинокая старуха
В хижине лесной.

* * *

Соленые морские окуни,
Ощерясь, десны обнажили.
Как в этой рыбной лавке холодно!

* * *

Скажи мне, для чего,
О ворон, в шумный город
Отсюда ты летишь?

* * *

Скалы среди криптомерий!
Как заострил их зубцы
Зимний холодный ветер!

ОТЕЦ ТОСКУЕТ О СВОЕМ РЕБЕНКЕ

Огонь в глубине золы
Тоже угас, а слезы
Все падают и шипят.

* * *

Сушеная эта макрель
И нищий монах изможденный
На холоде в зимний день.

* * *

Эй, послушай, купец,
Хочешь продам тебе шляпу,
Эту шляпу в снегу?

* * *

В сумерках зябко белеет
Мокрых луковиц шелуха.
Я от холода вздрогнул.

* * *

Поселился в чужом дому
И один забываю беспечно,
Что кончается старый год.

ПЕРЕД НОВЫМ ГОДОМ

Обметают копать.
Для себя на этот раз
Плотник полку ладит.

* * *

На небе месяц побледнел.
Настал последний день в году.
Повсюду пестики стучат.

* * *

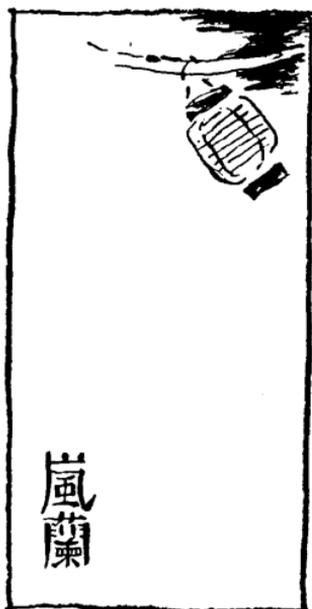
Вот и старый кончается год,
А на мне дорожная шляпа
И сандали на ногах.

* * *

Родную деревню вспомнил.
Я к ней пуповиной прирос,
И плачу — в сумерках года.

ПРЕДСМЕРТНАЯ ПЕСНЯ

В пути я занемог.
И все бежит, кружит мой сон
По выжженным полям.

МАЦУКУРА РАНРАН

(?—1689)

* * *

Осенний дождь во мгле!
Нет, не ко мне, к соседу
Зонт прошелестел.

СУГИЯМА САМПУ

(1646—1732)

* * *

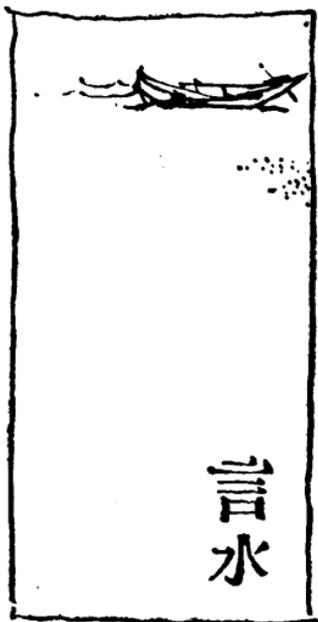
Майские дожди!
Заплыла лягушка
В дом через порог.

* * *

Падавший с вечера снег
Утром в дождь обратился?
Это вина весны!

* * *

Ждут птенцы в гнезде.
Жаворонок залетел
Слишком высоко.

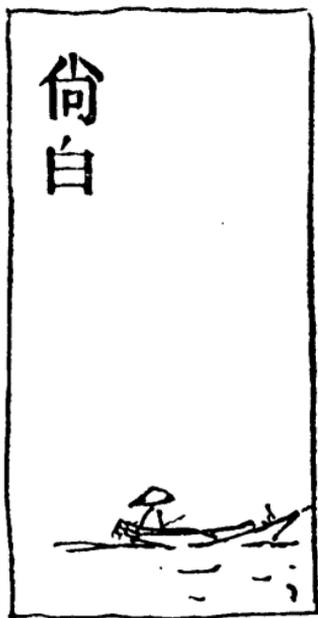

ИКЭНИСИ ГОНСУИ

(1649—1722)

* * *

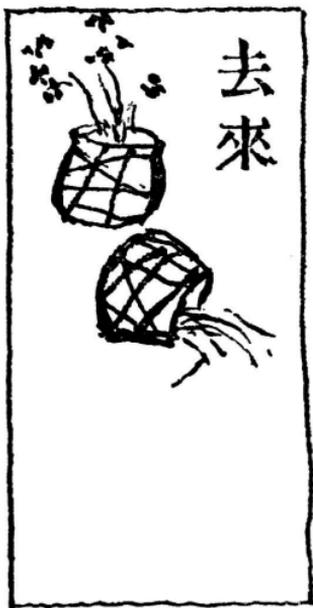
Смолк осенний вихрь.
Все, что от него осталось, —
Дальний шум волны.

Э С А С Е Х А К У
(1649—1722)

* * *

Звезды в небесах.
О, какие крупные!
О, как высокó!

МУКАИ КЕРАИ

(1651—1704)

* * *

Как же это, друзья?
Человек глядит на вишни в цвету,
А на поясе длинный меч!

НА СМЕРТЬ МЛАДШЕЙ СЕСТРЫ

Увы, в руке моей,
Слабея неприметно,
Погас мой светлячок.

* * *

Какая прохлада!
Сквозь набежавший ливень —
Закатное солнце.

РАССТАЮСЬ С ДРУГОМ
НА ГОРНОЙ ДОРОГЕ

Наверно, руки твои
Смешались с высокой травой
И машут мне издали вслед.

* * *

Жжет мне сверканьем глаза
Все — и деревья и камни...
Вновь после ливня жара!

* * *

Пахарь мотыгою бьет...
А кажется, он неподвижен
В дымке весенних полей.

* * *

«Да, да! Сейчас отворю!» —
Я отозвался, а всё стучат...
Ворота в глубоком снегу!

* * *

Летний день померк.
Лысые вершины вереницей —
Кучевые облака.

КОСУГИ ИССЕ

(1652—1688)

* * *

Видели всё на свете
Мои глаза — и вернулись
К вам, белые хризантемы.

ХАТТОРИ РАНСЭЦУ

(1653—1707)

* * *

Осенняя луна
Сосну рисует тушью
На синих небесах.

* * *

Тянется к северу
Вереница гусей, вперемешку
С вереницей паломников.

* * *

Уволили старых слуг.
Как сильно разлука с ними
Печалит сердца детей!

* * *

Первый день в году.
Воробьи ведут на солнце
Длинный разговор.

* * *

Цветок... И еще цветок...
Так распускается слива,
Так прибывает тепло.

* * *

Свет этой яркой луны
Оголил, как темя монаха,
Море, холмы и поля.

* * *

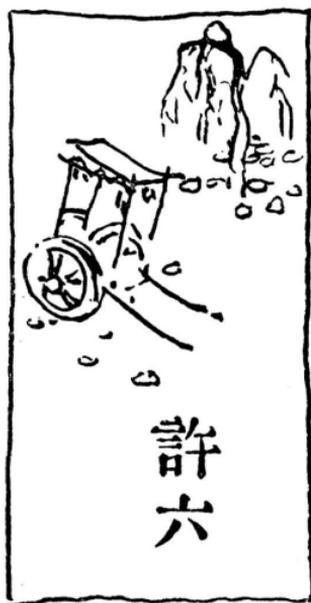
Я в полночь посмотрел:
Переменила русло
Небесная река.

* * *

Набежавшая волна
Моей уходящую...
Как прохладно на реке!

ПРЕДСМЕРТНАЯ ПЕСНЯ

Вот листок упал,
Вот другой летит листок
В вихре ледяном.

МОРИКАВА КЕРОКУ

(1655—1715)

* * *

Провел я как-то ночь
В опочивальне князя...
И все равно продрог.

* * *

Звучат голоса и там —
Над белыми облаками..
Это жаворонки поют.

* * *

Уток звонкий крик
Замок окружил кольцом.
Забелел рассвет.

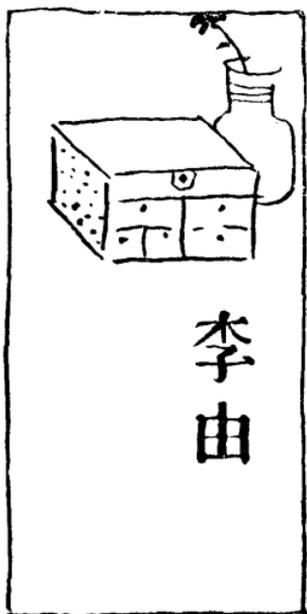

ОКАДА ЯСУИ

(1657—1743)

* * *

Пускай озимых ростки
Щипали вы, гуси дикие,
Но грустно сказать вам прости!

КОНОРИЮ

(1660—1705)

* * *

Сквозь урагана рев,
Когда дрожит вся кровля,
Цикады слышен звон...

ТАКАРАИ КИСАКУ

(1661—1707)

* * *

Яркий лунный свет!
На циновку тень свою
Бросила сосна.

* * *

Мешек легкий рой
Вверх летит, — плавучий мост
Для моей мечты.

* * *

Вишни в весеннем цвету
Не на далеких вершинах гор, —
Только в долинах у нас.

* * *

Нищий на пути!
Летом вся его одежда —
Небо и земля.

* * *

Ко мне на заре в сновиденье
Пришла моя мать... Не гони ее
Криком своим, кукушка!

* * *

Вот глупый соловей!
Он принял за тенистый лес
Бамбуковый плетень.

* * *

Ливень хлынул потоками.
Кого не обрадует свежесть цветов,
Тот — в мешке сухая горошина.

* * *

Первую песню весны
Поет соловей, повиснув
На ветке вниз головой.

* * *

Быстрая молния!
Сегодня сверкнет на востоке,
Завтра на западе...

* * *

Качается, качается
На листе банана
Лягушонок маленький.

* * *

Устали стрекозы
Носиться в безумной пляске...
Ущербный месяц.

* * *

А ведь раньше не было
Возле Фудзи этих гор!
Ясный вечер осени.

* * *

Ливень водопадом!
С громким кряканьем у дома
Утки заметались.

* * *

Что это? Только сон?
Или вправду меня закололи?
След укуса блохи.

* * *

Камнем бросьте в меня!
Ветку цветущей вишни
Я сейчас обломил.

* * *

Туманится диск луны...
Два круга мерцают в тени ветвей:
Филин в мутных очках.

* * *

Как рыбки красивы твои!
Но если бы только, старый рыбак,
Ты мог их попробовать сам.

* * *

Посланный сперва
Ветку вишен отдал мне,
А письмо — потом.

* * *

Я — светлячок полуночный.
Мне слаще всего полынь
У хижины одинокой.

* * *

Падает первый снег,
Я б насыпал его на поднос,
Все бы глядел да глядел.

* * *

Сливы аромат!
От лачужки нищего
Глаз не отвести.

* * *

Слушая строгий укор,
Опустила девушка голову,
Словно мак вечерней порой.

* * *

Это мой собственный снег!
Каким он кажется легким
На плетеной шляпе моей!

* * *

Середина ночи...
Брошена на льду, чернсет
Старая лодчонка.

* * *

Какая долгая жалоба!
О том, что кошка поймала сверчка,
Подруга его печалится.

* * *

Холодная зима.
В пустынном поле пугала —
Насесты для ворон.

* * *

Все его ненавидят,
А он живет да живет,
Словно зимняя муха.

ПЕСНЯ СКОРБИ

Звенят осенние цикады...
Но даже сонный храп его
Нам больше никогда не слышать.

* * *

Заплатила дань
Земному и затихла,
Как море в летний день.

* * *

Дня не пройдет весной,
Чтоб колокол не продали
В городе Эдб.

* * *

С треском шелка разрывают
В лавке Этигоя...
Летнее время настало!

* * *

Свет зари вечерней!
На затихшей улице
Бабочки порхают.

* * *

Давайте сад поливать,
Пока насквозь не промокнут
Цикады и воробьи.

* * *

Спрячься, как в гнездышке,
Здесь, у меня под зонтом,
Мокрая ласточка!

* * *

Тяжелые створки ворот
Давно на замок закрыты...
Луна в морозную ночь!

В ГОДОВЩИНУ СМЕРТИ БАСЕ

Прошло уж десять лет,
А кажется, вчера его не стало...
Плакучей ивы тень!

* * *

Оскалив белые зубы,
Обезьяна хрипло кричит...
Луна встает над горою.

* * *

Утренняя звезда!
Нет среди вишен покоя
Облачку на горе.

* * *

Уплыли далеко ввысь
От криптомерий нагорных
Осенние небеса.

КАМИДЗИМА ОНИЦУРА

(1660—1738)

* * *

Некуда воду из ванны
Выплеснуть мне теперь...
Всюду поют цикады!

* * *

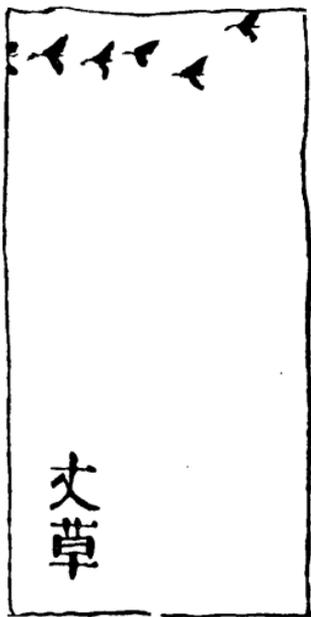
Паутина на ветке!
Вновь пахнуло жарой на меня
В этой летней роще.

* * *

Не из обычных людей
Тот, которого манит
Дерево без цветов.

* * *

Осень вернулась вновь,
Но дитя не сидит на коленях моих..
Одинокий, гляжу на луну.

НАЙТО ДЗЕСО

(1661—1704)

* * *

На зубец горы
С шумом стая опустилась
Перелетных птиц.

* * *

И поля и горы —
Снег тихонько все украл...
Сразу стало пусто!

* * *

Снега холодной,
Серебрит мои седины
Зимняя луна.

* * *

С неба льется лунный свет!
Спряталась в тени кумирни
Ослепленная сова.

* * *

Дятел стучит и стучит,
Ищет сухое дерево
Среди вишневых цветов.

* * *

Листья потонули.
Там они, на самом дне,
Устилают камни.

ХИРОСЭ ИДЗЭН

(?—1710)

* * *

**Все глубже осенняя ночь.
Млечный Путь разгорается ярче
Над черной водою полей.**

* * *

Алый цветок водяной
Ударом серпа срезаю
Меж набегающих волн.

* * *

Дрожат у коня на хвосте
Весенние паутинки..
Харчевня в полуденный час.

НОДЗАВА БОНТЕ

(?—1714)

* * *

«Нижний город» в Киото...
Ночью посыпался дождь
На груды свежего снега.

* * *

Я шел по мосткам, и вдруг —
Там, в глубине потока,
Сквозят водяные цветы.

* * *

Облака в осеннем небе!
Верхние летят на юг,
Нижние спешат на север.

* * *

Не успели крикнуть: «Постой!» —
Как уже продавца карасей не
видать...
Так густо сыплется снег.

* * *

Молодая павлония!
Три листка облетят —
Донага разденется.

* * *

Вижу в лучах зари:
Набок склонились фиалки...
Это работа крота.

* * *

Какая длинная-длинная,
Бесконечная лента реки
По снежной равнине тянется!

* * *

Меслц на небе,
Один ты на свете товарищ
Бушующей буре.

* * *

Плывет гряда облаков...
Как бережно светлую луну
Она несет на себе.

ЯМАМОТО КАКЭЙ

(?—1716)

* * *

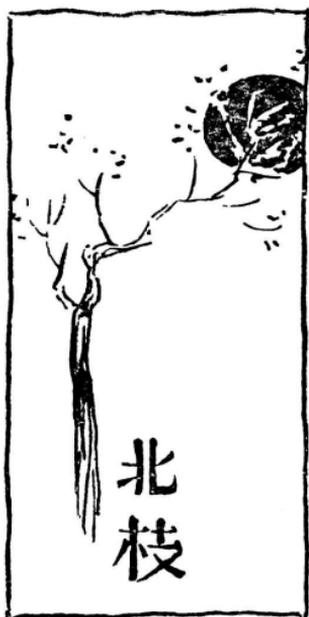
Бушует осенний вихрь!
Едва пародившийся месяц
Вот-вот он сметет с небес.

ИЗВЯЯНИЕ БУДДЫ

Молнии беглый свет!
Будды лицо озарилось
В темной дали полей.

* * *

Кружит осенний вихрь.
Как дрожит, как трепещет
Каждый листок на плоче!

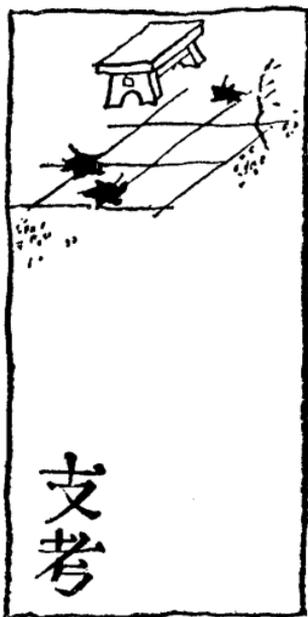

ТАТИБАНА ХОКУСИ

(?—1718)

ПОСЛЕ ПОЖАРА

Все сгорело дотла...
Но, по счастью, вишневый цвет
Уже облетел в саду.

КАГАМИ СИКО
(1664—1731)

* * *

О кленовые листья!
Крылья вы обжигаете
Пролетающим птицам.

* * *

Как я завидую тебе!
Ты высшей красоты достигнешь
И упадешь, кленовый лист!

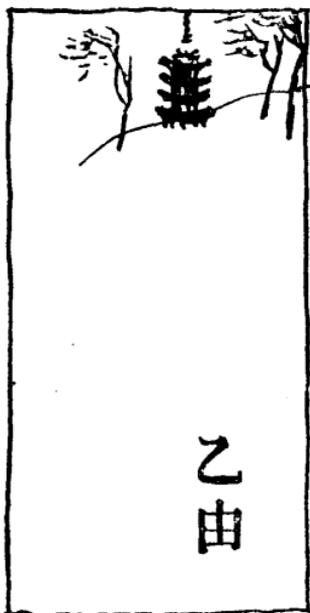

РОКА

(1669—1703)

* * *

Гложет бродячий кабан
Молодые побеги бамбука...
Хижина в дальних горах.

НАКАГАВА ОЦУЮ
(1674—1739)

* * *

Уходящая осень
Красные листья кленов
По пути рассыпает.

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

ПЕРЕД КАЗНЬЮ

Я сейчас дослушаю
В мире мертвых до конца
Песнь твою, кукушка!

ФУКУДА ТИЕ

(1703—1775)

* * *

За ночь выюнок обвился
Вкруг бадьи моего колодца...
У соседа воды возьму!

* * *

Удочка в руке.
Чуть коснулась лёски
Летняя луна.

* * *

Над волной ручья
Ловит, ловит стрекоза
Собственную тень.

НА СМЕРТЬ МАЛЕНЬКОГО СЫНА

О мой ловец стрекоз!
Куда в неведомой стране
Ты нынче забежал?

* * *

Полнолуния ночь!
Даже птицы не заперли
Двери в гнездах своих.

* * *

Роса на цветах шафрана!
Прольется на землю она
И станет простой водою...

СОЧИНЯЯ СТИХИ

Пока повторяла я:
«О кукушка, кукушка!»
Рассвет уже наступил.

* * *

О, светлая луна!
Я шла и шла к тебе,
А ты все далеко.

* * *

Только их крики слышны...
Белые цапли невидимы
Утром на свежем снегу.

ВСПОМИНАЮ УМЕРШЕГО РЕБЕНКА

Больше некому стало
Делать дырки в бумаге окон.
Но как холодно в доме!

* * *

Какой уют веселый —
Нищего постель!
Всю ночь поют цикады...

ОСИМА РЕТА

(1707—1787)

* * *

Где же светлячки? —
От людской погони
Скрылись на луне.

* * *

Осенняя луна.

О, если б вновь родиться

Сосною на горе!

СУМИ ТАЙГИ
(1709—1772)

* * *

Качелей легкий взлет!
Привет от милой льется
С небесной высоты.

* * *

Так соловей поет,
Как будто прутьев клетки
Не видит пред собой.

* * *

Пчелы гневно погнались
За прохожим человеком —
И опять летят к цветам.

ЕСИВАКЭ ТАЙРО

(?–1778)

***

Холодный горный ключ.
На дне блестят монеты:
Их путник обронил.

КАВАКАМИ ФУХАКУ

(1714—1807)

* * *

Как ноги сполоснуть?

Я замутить не смею

Прозрачную волну.

ЕСА БУСОН

(1716—1783)

***

Воздушный змей в вышине..
А только вчера маячил
На том же месте другой.

* * *

Зал для заморских гостей
Тушью благоухает..
Белые сливы в цвету.

* * *

Весенний брызжет дождь.
Отблески фонарика
На рукаве Цунá.

* * *

Поет соловей!
Как он раскрыл широко
Маленький клюв.

* * *

Долгие дни весны
Идут чередой... Я снова
В давно минувшем живу.

В ДАЛЕКОЙ ДЕРЕВУШКЕ

Звонко лает пес
На захожего торговца.
Персики в цвету!

* * *

Крестьянин мотыгой бьет...
А возле храма, за рощею,
Колокол мерно звонит.

* * *

Льет весенний дождь!
По пути беседуют
Зонтик и минó.

* * *

Юным вельможей
Оборотилась лисица...
Весенний вечер.

НА ПРАЗДНИКЕ КУКОЛ

Коротконосая кукла...
Верно, в детстве мама ее
Мало за нос тянула!

* * *

Море весною
Зыблется тихо весь день,
Зыблется тихо...

* * *

Оттуда, где моря простор,
Светит весеннее солнце.
Вишни в цвету на горах!

* * *

Нет в Есино воров!
Цветущей вишни ветку
Никто не украдет.

* * *

Они прошли, дни весны,
Когда звучали далекие
Соловьиные голоса.

* * *

Весна уходит,
Но в нерешимости медлят
Поздние вишни.

* * *

Грузный колокол.
А на самом его краю
Дремлет бабочка.

* * *

Конец весенней поры.
Какой тяжелою стала
Лютня в моих руках!

* * *

Цветы сурепки вокруг.
На западе гаснет солнце.
Луна на востоке встает.

* * *

Сурепка в поле цветет..
Сегодня не видно было китов.
Темнеет морская даль.

СМЕНА ОДЕЖДЫ С НАСТУПЛЕНИЕМ
ЛЕТА

Скрылись от господского меча...
О, как рады юные супруги
Легким платьем зимнее сменить!

* * *

Майские ливни долгие...
Возле большого потока
Два маленьких-маленьких домика.

* * *

Набежавшие волны
Моют голени синей цапли.
Ветерок вечерний.

* * *

В пору весенних ливней —
О, какой она страшной стала,
Безымянная речка!

* * *

Прорезал прямою чертой
Небеса над Хэйанской столицей
Кукушки кочующий крик.

* * *

Там, на вершине горы,
Замок белесет могучий
Пад молодую листвою.

* * *

Змѣя сразив мечом,
Герой идет по долине
В тени молодой листвы.

* * *

Я поднялся на холм,
Полон грусти, — и что же:
Там шиповник в цвету!

* * *

Лишь вершину Фудзи
Под собой не погребли
Молодые листья.

* * *

С этой и с той стороны
Шум водопадов слышится
Сквозь молодую листву.

* * *

Чуть забрезжил рассвет.
Ускользнув от бакланов, играют
Рыбы в мелкой воде.

* * *

Хорошо по воде брести
Через тихий летний ручей
С сандалиями в руке.

* * *

Каменщик стучит.
Огненные искры
По ручью плывут.

* * *

Два или три лепестка
Друг на друга упали...
Облетает пион.

* * *

Иду, иду без конца!
Отдых — и снова иду, иду
В просторе летних лугов.

* * *

О, какая жалость!
Этот храм я миновал,
Там цветут пионы!

* * *

Коротка ты, летняя ночь!
Проплывают меж тростников
Пены легкие пузырьки.

* * *

Уходят сразиться друг с другом
Двое монахов-разбойников,
В легкой траве исчеза...

* * *

«Форель в подарок вам!» —
Стучит глухою ночью
В ворота рыболов.

НА МЕЛЕЮЩЕЙ ЛЕТНЕЙ РЕКЕ

Вниз по реке плывут
Форели, — и все выше
Растут отроги гор.

СТАТУЯ КНЯЗЯ ПРЕИСПОДНЕЙ

Так ярко алеет рот
У князя Эммá, как будто
Он выплюнуть хочет пион.

* * *

Если двое зачерпнут
Каждый по одной пригоршне,
Замутится ручеек.

* * *

Прохладой веет ночь!
По тени собственной ступаю
На отмели речной.

* * *

Дрожит от подземных толчков
Переносный алтарь монаха...
Отдых на летнем лугу!

* * *

Прохладный ветерок.
Колокола покинув,
Плывет вечерний звон.

* * *

Старый колодец в селе.
Рыба метнулась за мошкой...
Темный всплеск в глубине.

* * *

Ливень грозовой!
За траву чуть держится
Стайка воробьев.

* * *

Под mosquitoным пологом
Выпустил я светлячков...
Сразу стало весело.

* * *

Возле самой дороги
Расцвели под ночным дождем
Брошенные кувшинки.

* * *

Зеленую сливу
Красавица надкусила...
Нахмурила брови.

* * *

Тихий звон комаров, —
Каждый раз, когда облетает
Жимолости цветок.

* * *

С лаем набросились псы.
Спешит по пустынной улице
Прохожий на праздник Бон.

* * *

Скоро зайдет луна.
Пятеро неутомимых
Пляшут еще на лугу.

* * *

«И как я мог проиграть!» —
Всю ночь борец побежденный
Устало бормочет во сне.

* * *

Луна так ярко светит!
Столкнулся вдруг со мной
Слепец — и засмеялся...

* * *

Разбойничий атаман,
И тот, наверно, песню сложил
В такую ночь о луне!

* * *

В зените луна.
По нищенской улице
Я тихо бреду.

* * *

Лампу зажгли в потемках...
Вдруг потеряли свой цвет
Желтые хризантемы.

* * *

Любитель цветов!
Ты стал неприметно
Рабом хризантем.

* * *

Выпала роса,
И на всех колючках терна
Капельки висят.

* * *

Нынче опять — в третий раз —
Поминальный фонарь я повесил.
Каплет с него роса.

ВОЗЛЕ РУЧЬЯ, ВОСПЕТОГО ПОЭТАМИ

Ива опала,
Ручей иссох,
Голые камни...

* * *

Там и тут,
Там и тут вальки стучат,
Там и тут.

* * *

Осенний ветреный день!
Распевают песни в харчевне
Лесорубы и рыбаки.

* * *

С запада ветер летит,
Кружит, гонит к востоку
Ворох оп вшей листвы.

* * *

Вспугнутый вор
Убегает по крыше..
Ночь холодна!

* * *

Грустное время!
Леску удочки натянул
Осенний ветер.

* * *

«Буря началась!» —
Грабитель на дороге
Предостерег меня.

* * *

Тонкие струйки сбегают
На корни камфарного дерева.
Осенний дождь морозящий.

* * *

Воет осенний вихрь.
Вдруг тяжело споткнулся
Конь на обратном пути.

* * *

Луна все таяла, таяла...
Совсем ей пришел конец.
Как ночью безлунной холодно!

* * *

Осень. Я занемог.
Но, может быть, нынешний вечер
Завтра мне станет мил.

* * *

Холод до сердца проник:
На гребень жены покойной
В спальне я наступил.

* * *

Птичку грызет
Белка летяга
На зимнем лугу.

* * *

Большой снегопад!
Скоро закроют заставу.
Ближится ночь.

* * *

На старом пруду
Две уточки... Зорко глядит
Хорек в камышах.

* * *

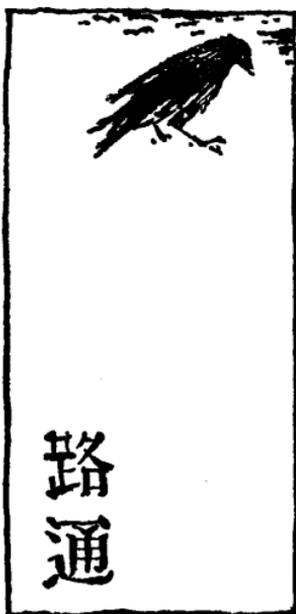
Унылый сумрак.
Солнце спряталось между камнями
На мертвом поле.

* * *

Водяные птицы!
На земле два паланкина
В облетевшей роше.

* * *

Ударил я топором
И замер... Каким ароматом
Повеяло в зимнем лесу!

РОЦУ

(1716?—1756?)

ПЕРЕД ПРАЗДНИКОМ НОВОГО ГОДА

«Уходи! Уходи!» —

От всех дверей меня гонят...

Кончается старый год.

ЕСИКАВА ГОМЭЙ

(1730—1803)

* * *

Вон бабочки снуют
Туда-сюда — все ищут
Ушедшую весну...

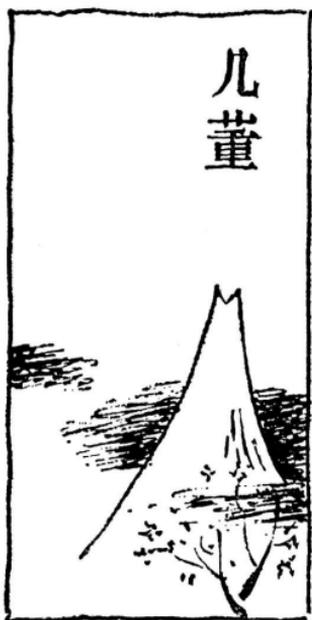

КАТО ГЕДАЙ

(1732—1792)

* * *

Лист летит на лист,
Все осыпались, и дождь
Хлещет по дождю.

ТАКАИ КИТО

(1741—1789)

* * *

Я встретил гонца на пути.
Весенний ветер, играл,
Раскрытым письмом шелестит.

* * *

Ливень грозовой!
Замертво упавший,
Оживает конь.

* * *

Идешь по облакам,
И вдруг на горной тропке
Сквозь дождь — вишневый цвет!